

С. А. Котляревский

**Францисканский орден и
римская курия в XIII и XIV
веках**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

С. А. Котляревский

Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках / С. А. Котляревский –
М.: Книга по Требованию, 2011. – 393 с.

ISBN 978-5-4241-7780-4

ISBN 978-5-4241-7780-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ развитіи средневѣковаго католицизма едва ли не самой рѣзкой гранью явилось реформаціонное движеніе X—XI вѣка ¹⁾. На первый взглядъ его всемірно-историческое значеніе легко скрывается подъ неизмѣнностью формъ, которыя сохранила церковь; но чѣмъ болѣе мы всматриваемся въ содержаніе, скрывающееся подъ этими формами, тѣмъ глубже остается у насъ впечатлѣніе, что съ этого момента кореннымъ образомъ измѣнилась роль церкви въ жизни средневѣковаго общества. Клонійская реформа положила начало освобожденію церкви отъ феодальныхъ узъ и этимъ воздвигнула самый прочный фундаментъ для ея господства надъ этимъ обществомъ. Но не вся она была въ одинаковой мѣрѣ затронута этой реформой, и можно даже сказать, что чрезмѣрный ростъ однихъ органовъ церкви задержалъ и ослабилъ другіе.

Здѣсь мы должны прежде всего твердо помнить, что единство церкви всегда оставалось болѣе достояніемъ теоріи и идеала. Дѣйствительная средневѣковая церковь вмѣщала въ себѣ столь различные и даже противоположные элементы, что общее сужденіе о нихъ становится невозмож-

¹⁾ Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ и клонійскую и лотарингскую реформу. Несмотря на особенности итальянскаго реформаціоннаго теченія, генетическая связь коего съ французскимъ, вопреки Дрезднеру, не можетъ считаться достовѣрной, и оно вліяло одинаково на перемѣну въ общественномъ положеніи церкви. См. *Dresdner. Kultur.—und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhundert.* Breslau, 1890. *Saccur. Die Cluniacenser in ihrer kirchlichen und allgemeinen Wirksamkeit: B. I—II. Halle 1892.* *Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands B. III. Leipzig 1896.* *Schulze. Forschungen zur Geschichte des Klosterreforms im X Jahrhundert. Halle, 1883.*

нымъ. Переберемъ ихъ и посмотримъ, какъ на нихъ отразилась реформа.

Начнемъ съ вершины, увѣнчивающей церковную организацію. Съ этой эпохи римская курія начинаетъ жить новой жизнью; изглаживается постепенно ея мѣстный характеръ, и на первый планъ выступаетъ величественная концепція теократической власти надъ народами христіанскаго міра.

Часто представляютъ, что осуществленіе этой теократической программы было плодомъ дѣятельности отдѣльныхъ папъ; подобно строителямъ готическаго собора, они неустанно трудились надъ этимъ гигантскимъ сооруженіемъ, возвышающимся надъ средневѣковой Европой. Здѣсь слишкомъ легко оставляютъ въ тѣни, что само папство—первое было обновлено духомъ реформы; борьба противъ симоніи и инвеституры подготовлялась задолго до Григорія VII, величавый образъ котораго замыкаетъ цѣпь борцовъ, вышедшихъ изъ французскихъ и итальянскихъ монастырей. Ключійская реформа оказала самое большое вліяніе и на замѣщеніе римскаго престола, и на его идеальную программу, и на тѣ средства, съ помощью коихъ эта послѣдняя могла осуществиться. Мы не можемъ входить въ подробный анализъ причинъ этого измѣненія въ куріи; намѣтимъ существенныя его черты.

Даже при поверхностномъ обзорѣ исторіи папства мы сразу видимъ, какъ постепенно становились обширнѣе притязанія папской власти. Это понятіе притязаній легко поддается анализу, если даже не искать объясненія во властолюбивомъ темпераментѣ римскихъ первосвященниковъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло, во-первыхъ, съ новымъ идеаломъ духовнаго правленія, во свѣтѣ котораго римская курія стала смотрѣть на отношенія церкви къ обществу, а во-вторыхъ—съ новыми средствами осуществленія этого идеала, которыя дала большая самостоятельность церковныхъ органовъ, большая ихъ независимость отъ свѣтской жизни общества.

Взглянемъ на памятники папской дѣятельности, начиная съ XI-го вѣка,—какое постоянное возрастаніе дѣлъ и заботъ!

Мы не будем придавать особеннаго значенія тому, что регесты становятся все обширнѣе: краснорѣчивѣе въ этомъ отношеніи отзывы самихъ папъ. По словамъ Петра Ключійскаго, папа Гонорій II упрекалъ одного кардинала, взятаго имъ изъ монаховъ, что тотъ слишкомъ поздно приходитъ въ курію и слишкомъ много отдаетъ времени своимъ монашескимъ занятіямъ ¹⁾. Объ Иннокентіи III его біографъ говоритъ: папа чѣмъ больше старался освободиться отъ мірскихъ дѣлъ, тѣмъ больше въ нихъ втягивался ²⁾. Постепенно курія стремится подчинить своей юрисдикціи семейную жизнь и экономическія отношенія, рѣшаютъ политическіе конфликты; освобождая церковь отъ гнета свѣтскихъ интересовъ, она все болѣе и болѣе объединяетъ ее въ стройный механизмъ, въ коемъ каждая часть цѣнна лишь постольку, поскольку она служитъ пружиной въ цѣломъ.

А на ряду съ этимъ задачи папства расширяются еще и въ другомъ смыслѣ—путемъ увеличенія самой площади, на которую должна простирается церковная компетенція. Она расширялась на сѣверъ вслѣдствіе приобщенія новыхъ народовъ къ христіанскому міру, она еще больше расширялась на востокъ. Организаторская роль папства въ крестовыхъ походахъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала новой международной его дѣятельности, и заботы объ устройствѣ церкви на востокъ увеличились еще основаніемъ Латинской имперіи.

Если отъ ключійской реформы можно датировать ростъ папскаго вліянія на свѣтское общество, то и это послѣднее далеко не остается въ неподвижномъ состояніи. Возможна ли была бы такая переменна въ жизни и самосознаніи церкви, если бы эта послѣдняя не черпала свѣжихъ силъ изъ того же общества. И здѣсь мы не можемъ, конечно, слѣдить за развитіемъ западноевропейскихъ обществъ, и здѣсь мы должны

¹⁾ Petri Clun. De mor. l. II. c. 14: Conquerebatur inde saepius papa, et aliis ad curiam mane ex more convenientibus, ipsi ad horam tertiam vix occurrenti.

²⁾ Vita Innocentii III, c. 19, у Murat. Scr. rer. ital. III v.

удовольствоваться лишь указаніемъ на самыя основныя черты, присущія этому развитію.

Прежде всего мы здѣсь видимъ, какъ изъ феодальной анархіи IX и X-го вѣковъ вырастаютъ новыя политическія образованія, складываются государства съ болѣе крѣпкой внутренней связью. Естественно возникаетъ вопросъ, въ какія отношенія стала церковь къ этимъ образованіямъ? Еще гораздо важнѣе была новая сила, которая, въ періодъ отъ клюнійской реформы до XIII-го вѣка, значительно измѣнила строеніе западноевропейскихъ обществъ,—эта сила была ростъ городовъ. Городъ постепенно выходилъ изъ сѣти феодальныхъ отношеній, разстояніе между нимъ и деревней постепенно увеличивалось; тамъ нерасчлененная масса людей, живущихъ отъ земли и привязанныхъ къ землѣ,—здѣсь начало профессиональной дифференціаціи. Городская жизнь сложнѣе сельской; она выставляетъ новыя запросы, которые требуютъ и новыхъ средствъ удовлетворенія. Въ городахъ совершался одновременно процессъ и накопленія матеріальныхъ благъ, и созданія новыхъ навыковъ, мыслей и чувствъ; волна еретическаго движенія, постепенно растущая въ теченіе XI и XII вѣковъ и грозящая при Иннокентіи III уже „потопить ладью св. Петра“, беретъ свое начало въ нихъ.

Въ какомъ отношеніи стояла къ этимъ переменамъ церковь? Обратимся къ ея мѣстнымъ органамъ. Основными церковными единицами этой эпохи были приходъ и епархія; надъ епархіей стояли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ митрополіи, но уже въ клюнійскую эпоху онѣ потеряли значеніе ¹⁾. Мы впадаемъ въ анахронизмъ, если умозаключаемъ отъ этихъ единицъ къ нѣкоторой приходско-епископальной системѣ, которая явилась лишь впоследствии, на почвѣ борьбы клира съ монашествомъ и куріей.

Въ эпоху клюнійской реформы деревни были распределены довольно правильно между приходами; въ городахъ, напротивъ того, они только складывались, и никакого Pfarrzwang тамъ еще не было ²⁾. Приходъ былъ именно чисто сельской

¹⁾ Hinschius, Kirchenrecht B. II, S. 13. Berlin 1869—86.

²⁾ Hinschius, II, 279.

единицей; весьма часто онъ основывался мѣстнымъ землевладельцемъ. Надъ приходскимъ клиромъ тяготѣло желѣзное право патроната; и для церкви, какъ для земли, имѣло силу правило: *nulle église sans seigneur* ¹⁾. При частноправовомъ возрѣннн на церковь (*ecclesiae propria hereditas*) патронъ былъ повелителемъ священника, и отъ него зависѣла всецѣло судьба послѣдняго. Можно сказать, что вызванная клонійскою реформой эмансипація церкви всего менѣе затронула сельское духовенство. И это понятно. Приходскій священникъ былъ такъ же фактически прикрѣпленъ къ землѣ, обладалъ такимъ же скуднымъ духовнымъ горизонтомъ, какъ и крестьяне, составлявшіе его паству ²⁾.

Что касается до епископовъ, то, при большомъ разнообразіи въ ихъ положеніи, мы можемъ выдвинуть одну общую черту: они не были такъ же зависимы, какъ приходское духовенство, но они не менѣе его были опутаны феодальными узами. Всюду свѣтская власть оказывала большее или меньшее давленіе на ихъ выборъ. Начиная съ конца IX вѣка папскія буллы обезпечиваютъ свободу выбора и защиту отъ гнета королевской власти, какъ особую привилегію отдѣльнымъ епископамъ. Въ X вѣкѣ и въ Германіи, и во Франціи самостоятельность епископской власти поглощается — въ первой странѣ свѣтской аристократіей, во второй — королевской властью ³⁾. Далѣе епископъ, какъ членъ феодальной іерархіи, постоянно затемняетъ епископа, какъ духовное лицо. Мы знаемъ, что въ эпоху борьбы за инвеституру у папы Пасхалиса явилась мысль, что свѣт-

¹⁾ Imbart. de Latour: Les paroisses rurales dans l'ancienne France: Revue historique 1896, 120—121; p. 242 Les élections épiscopales dans l'église de France Paris, 1891 XVI и 186—1891.

²⁾ Hinschius II, 6. Imbart de Latour passim. Извѣстная реакція въ этомъ отношеніи была. *Quod semel ecclesiae datum est, говоритъ Пладидъ Нонантульскій, in perpetuum Christi est in tantum, ut etiam idem ipse fabricator ecclesiae postquam eam deo voverit et consecrari fecerit, in ea deinceps nullum jus habere possit.* Pez, Thesaurus anecdotarium II, 288. Напоминали это и папы, но такое пониманіе патроната долго оставалось теоретическимъ. Гиншіусъ указываетъ, что формула: *patronatus est jus spirituali concilio* — входитъ въ силу лишь съ Люція III.

³⁾ Imbart de Latour, Les élections épiscopales, p. 263.

скія владѣнія епископовъ представляютъ причину ихъ зависимаго положенія, и что борьба разрѣшилась бы сама собой отказомъ отъ этихъ владѣній и отъ необходимо связанной съ ними свѣтской власти ¹⁾. Это былъ взглядъ Арнольда Брешийскаго, раздѣляемый большинствомъ еретиковъ XII вѣка, но и главный противникъ Арнольда, Бернардъ Клервоскій, предчувствовалъ, что корень порабощенности и испорченности церкви лежитъ въ ея богатствѣ.

Въ какомъ отношеніи стояла епископская власть къ социальному развитію? Церковь сдѣлалась самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ, епископы стали феодалными князьями ²⁾; понятнымъ становится тотъ странный фактъ, что подъ давленіемъ увеличившихся матеріальныхъ интересовъ церковь, въ лицѣ епископовъ, забыла о своей освободительной миссии, которую она энергично выполняла еще въ меровингскомъ государствѣ, и противодѣйствовала освобожденію сельскаго населенія отъ крѣпостного права ³⁾. Не менѣе враждебна оказалась она городамъ, борющимся за свою самостоятельность. Исслѣдователи исторіи французскихъ, бельгійскихъ и нѣмецкихъ городовъ указываютъ, что этимъ послѣднимъ болѣе приходилось защищаться отъ духовныхъ князей, чѣмъ отъ свѣтскихъ феодаловъ ⁴⁾. Притомъ же, большинство городовъ находилось подъ непосредственнымъ гнетомъ епископской власти—особенно въ Германіи: исторія Майнца, Вормса, Шпейера, Вюрцбурга, Бремена и т. д. наполнена борьбой этихъ городовъ съ духовными князьями.

Духовная сторона епископской власти, затемняемая свѣтской, встрѣчала помѣху въ своемъ развитіи еще съ другой стороны. Универсальная программа папъ была несо-

1) Migne Patrol 163, p. 314—315.

2) Imb. de Latourp. 33—34 Qu'est devenu l'évêché? Une eussemble de terres, d'églises, de droits de toutes sortes possédés par l'évêque.

3) См. Fournier „Les affranchissements du V à XII siècle. Revue Historique, 1883, v 21. Wauter, Les libertés communales, pass. Bruxelles, 1878.

4) Kallsen. Die deutsche Städte im Mittelalter, S. 247 etc. Halle, 1891. Wauters, 301, etc, 532. Luchaire. Les communes françaises à l'époque des Capetiens directs. p. 291 etc. Paris, 1890. Paulucci: L'idea di Arnolfo di Brescia—Riv. Stor. ital. 1887 p. 669.

вмѣстима съ свободнымъ развитіемъ мѣстной церковной жизни. Въ IX и X вѣкахъ центръ тяжести обще-церковной жизни лежитъ на епископахъ и провинціальныхъ синодахъ; послѣ ключіи́ской реформы онъ начинаетъ перемѣщаться къ Риму. Благодаря развитію права апелляцій рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ принадлежитъ куріи. Однако, епископы не обращаются въ послушное орудіе куріи; солидарные въ борьбѣ за привилегированное положеніе церкви среди свѣтскаго общества, они являются для папъ крайне невѣрными помощниками, и эта глухая борьба Рима и мѣстныхъ церквей не прекращается въ теченіе XI и XII вѣковъ.

Къ этому надо прибавить еще одно слѣдствіе двойственнаго положенія епископовъ. Образъ ихъ жизни подвергался жестокимъ обличеніямъ и насмѣшкамъ въ теченіе всего этого періода; въ немъ заключался тотъ „*perniciosum argumentum*“, которымъ, по свидѣтельству самого Иннокентія III-го, еретики удачно пользовались въ своихъ нападкахъ на церковь. Принадлежа къ феодальной аристократіи, епископы жили, какъ эта послѣдняя, но оцѣнкѣ они подвергались, какъ члены церкви. Между тѣмъ, ключіи́ская реформа поставила болѣе высокія требованія отъ духовенства, и съ начала XI-го вѣка все громче и громче раздаются голоса, призывающіе къ исправленію клира. Эти голоса исходятъ не отъ однихъ ревнителей церковнаго идеала, подобныхъ Бернарду, и не отъ однихъ еретиковъ: все сильнѣе чувствуется неудовлетворенность общества его пастырями, отразившаяся и въ сатирической литературѣ. И какъ ни различаются обличители по своему характеру и міросозерцаію, картины, которыя они раскрываютъ передъ нашими глазами, удивительно сходны.

Программа духовнаго правленія, которую усвоило себѣ папство съ эпохи ключіи́ской реформы, требовала для своего осуществленія соотвѣтствующихъ органовъ. Мы указали на основные моменты, мѣшавшіе епископамъ и приходскому духовенству быть проводниками этихъ началъ духовнаго правленія. Для правящей церкви становилось вопросомъ неотложной необходимости имѣть другія средства воз-

дѣйствія на общество. Посмотримъ, чѣмъ располагала въ этомъ отношеніи курія.

Въ теченіе XI и XII вѣковъ мы видимъ постепенное развитіе одного института, который долженъ былъ, помимо епископовъ и до извѣстной степени въ ущербъ ихъ вліянію, осуществлять програму папъ: мы говоримъ о легатахъ. Они становятся такъ же необходимыми въ церковной жизни, какъ необходимы *missi dominici* каролинской монархіи. Какъ тѣ, такъ и другіе указывали на то, что центральная власть видѣла невозможность проводить въ жизнь свой планъ при помощи обычныхъ, постоянно дѣйствующихъ на мѣстѣ органовъ. Викаріевъ древняго періода постепенно смѣнили *legati ordinarii et extraordinarii*: вся ихъ власть цѣликомъ вытекала изъ папской власти. Уже изъ писемъ Григорія VII мы видимъ, что однимъ давалось лишь извѣстное порученіе, другихъ папа дѣлалъ какъ бы своими намѣстниками въ извѣстномъ районѣ ¹⁾. Впослѣдствіи изъ нихъ первое мѣсто заняли такъ называемые *legati a latere*, власть коихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно важныхъ дѣлъ, равнялась папской; не даромъ въ эпоху наибольшей силы теократическихъ идеаловъ ихъ защитники такъ любили называть римскаго первосвященника „легатомъ Бога на землѣ“. Епископы и провинціальныя соборы постоянно жалуются, что система папскихъ *legationum* нарушаетъ правильный ходъ церковной жизни; они всячески старались добыть изъ Рима привилегію неподсудности легатамъ; полного изъятія отъ власти послѣднихъ они не получаютъ, но часто освобождаются отъ подчиненія другимъ легатамъ, кромѣ *a latere* ²⁾. Папскія легаціи, какъ средство проводить извѣстную программу, были, конечно, недостаточны уже по своей численной незначительности ³⁾.

¹⁾ Ep. VI, 2 „*quibus Romanus pontifex aliquam legationem injungat vel quod majus est vicem suam indulgeat*“ См. Bouix, *Tractatus de curia romana, de cardinalibus et legatis*. Paris, 1880.

²⁾ Какъ примѣръ обширности полномочій и компетенцій, представляемыхъ легатамъ въ XIII в., см. Potthast *Regest. Pont.* II, 21422—21448.

³⁾ Еще ближе, чѣмъ легаты, стоятъ къ апостольскому престолу кардиналы. По мѣрѣ того, какъ самостоятельность епископской власти ограни-

Но рядомъ съ церковью, привязанной къ землѣ и опутанной феодалными отношеніями, — церковью, въ коей рѣшительно преобладало территоріальное начало, и организація которой роковымъ образомъ была связана съ распредѣленіемъ земельной собственности и натуральнымъ хозяйствомъ, — съ эпохи клюнійской реформы начинается расти другая церковь, идеалъ коей полное освобожденіе отъ свѣтскихъ узъ, универсальная, воспитывающая власть надъ христіанскимъ міромъ. Она хочетъ облечься въ ту форму, которую имѣла христіанская церковь, когда на нее еще не были наложены рамки ни римскаго, ни германскаго строя. Первое стремленіе ея — это независимость отъ мѣстныхъ условій и созданіе собственной внутренней іерархической организаціи; она предчувствуетъ, что лишь при этомъ она можетъ духовно править свѣтскимъ обществомъ. Это различіе двухъ элементовъ въ церкви основное; оно болѣе глубоко, чѣмъ различіе епископально-приходской организаціи, съ одной стороны, и монашества, съ другой. Само монашество далеко не оставалось свободнымъ отъ территоріальныхъ условій, и нерѣдко аббатъ такой же феодалный сеньоръ, какъ и епископъ. Онъ не уклоняется отъ воинственныхъ предпріятій; аббатъ Вейсенбургскій, который пошелъ войной въ 981 году на своего епископа Шпейерскаго, отнюдь не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ ¹⁾. „Когда видишь, какъ они идутъ“, говоритъ Бернардь Клервосскій, „то примешь ихъ не за духовныхъ отцовъ, а за владѣльцевъ замковъ, — не за пастырей душъ, а за правителей провинцій“ ²⁾. Мы можемъ только сказать, что освобожденіе отъ этихъ условій сдѣлалось господствующей тенденціей въ той части монашества, которая со времени клюнійской реформы получила преобладающее вліяніе на живается въ пользу папской централизаціи, растетъ и преимущественное значеніе кардиналовъ. Когда Александру III удалось сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать Николай II, — именно передать въ руки кардиналовъ выборъ папы, эта связь стала еще тѣснѣе. Но кардиналы находились постоянно въ Римѣ и въ мѣстной церковной жизни участвовали лишь въ качествѣ папскихъ легатовъ.

¹⁾ См. примѣры у Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands III S. 441

²⁾ Migne t. 162. Apologia ad Guille. S. Theodori abb. c. 11.

церковныя дѣла. Исторія борьбы съ симоніей прекрасно иллюстрируетъ эту перемѣну. Слова реформаторовъ, настойчиво указывавшихъ на то, что они хотятъ не реформъ, а реставраціи и очищенія отъ злоупотребленій, не должны скрывать отъ насъ сути дѣла.

Обратимся къ другой сторонѣ — отношенію реформированнаго монашества къ куріи. Это отношеніе вовсе не исчерпывается тѣмъ, что ордена предоставили въ ея распоряженіе извѣстныя силы, которыя она могла противопоставлять епископамъ. Ключійская реформа, превратившаяся въ реформу папскаго престола, подвергла этотъ послѣдній самому глубокому вліянію монашества. Съ этой эпохи мы постоянно видимъ папъ, вышедшихъ изъ монаховъ (всѣ преемники Григорія VII—Викторъ III, Урбанъ II, Пасхалисъ II, Геласій II—до Каликста); при спорѣ нѣсколькихъ претендентовъ голоса орденовъ являются могущественной поддержкой: такъ, во время борьбы Александра III съ Викторомъ IV, первый изъ нихъ былъ весьма много обязанъ помощи цистерціанцевъ ¹⁾. Можно сказать, что это вліяніе монашества на курію особенно ярко воплотилось въ могучей личности Бернарда Клервосскаго. Идеаль Бернарда сводился къ тому, чтобы папство сдѣлалось верховной и направляющей силой въ церкви, но чтобы, съ другой стороны, въ немъ былъ совершенно устраненъ характеръ личной власти ²⁾. Мы имѣемъ многочисленныя памятники папской симпатіи къ орденамъ; папы охотно поручаютъ себя ихъ молитвамъ и постоянно стремятся расширить сферу ихъ дѣятельности на счетъ свѣтскаго клира. Безъ сомнѣнія, это противорѣчило духу церковной организаціи, которая въ принципѣ отстраняла монашество отъ духовнаго правленія „*sicca animalium*“, выражаясь средневѣковымъ терминомъ. Но

¹⁾ „Мы помним“, говоритъ Александръ III, „со всей благодарностью, какъ ваша непоколебимая вѣрность сохранила среди бури бросаемый по волнамъ корабль св. Петра, и мы знаемъ, что вашими заслугами было умнротворено божественное правосудіе. Migne 200, p 594 ep. 673.

²⁾ Языкъ, которымъ говорилъ Бернардъ съ папами, не былъ единственнымъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Когда Пасхалисъ II уступилъ Генриху V, аббатъ Монте-Кассино Готфридъ Вандомскій упрекалъ его за то, что тотъ не умеръ ради церкви. Migne. 157, ep 7.